Борис Пильняк

Speranza

ФТМ

Борис Андреевич Пильняк
Speranza

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=567265

Аннотация

«Имя кораблю каботажному, семи-тысяч-тонному, чуть-чуть пиратскому для глаза постороннего (как все каботажные корабли, сохранившие в своих обликах столетья рабских корабельных правил о мордобое стюварда и капитана, расчетов в каждом порте, аглицких морских законов, от тех седых времен, когда корабль ходил под парусом и с пушкой) – имя кораблю: – „Speranza“, что ли».

Пильняк Борис
Speranza

По морям и океанам, под Южным Крестом и Полярной Звездой, в тропиках и у вечных льдов – идут корабли. По морям и океанам – идут бури, ночи, дни, месяцы, годы. Море же – это две чаши: одна над другой чаша неба и чаша воды, да с неделю от берега и за неделю до него – чайки и точкою в небе кондор. И на кубрике, у кормы на кораблях, живут возчики кораблей матросы. В Сидни с шерстью, в Кардифе с углем, в Бенгуэле с каучуком, в Порт-Петербурге с лесом и пенькой – грузятся корабли, чтобы итти, нести грузы – на острова Зеленого мыса, в Марсель, в Сайгон, Сан-Франциско, Буэнос-Айрес, Суэцами, Панамскими каналами, Индийскими, Великими, Атлантическими океанами. Так корабли ходят десятки лет, неделями и месяцами в море, и матросы говорят о себе и друг о друге:

– Я (или он) пошел на берег, – он на берегу, и кажется, что борт корабельный стал им их землей, точно борт корабельный может быть землей; но матросы же знают, что в бурю, когда ветер, посинев, рвет ванты и людей, когда волны идут через фальш-борты и бьют до спардэка, – когда корабль мечется в волнах овощинкою в кипятке, – тогда надо смотреть на горизонт, ибо только он неподвижен и тверд, как земля, и плохо тому, у кого закачается в глазах горизонт, единствен-

ное некачающееся, – тогда его стошнит в морской болезни, нехорошей, мутной, собачьей тошнотой. И матросы не любят говорить о море, о морских своих путях, – потому ли только, что это их будни? – и матросы всегда дальнозорки!

И на кубрике, в бесконечные океанские вечера, после вахты и перед вахтой, в грандиозности морского одиночества матросы говорят – о земле, о той земле, какую они видели, и о том, что видели они на ней. Кроме моря, матросы видели порты всего мира, портовые кабаки, портовые публичные дома, портовую нищету, шум, крик и гам всего мира, – и матросы знают, что земной шар даже не шар, а шаришко и очень тесный шаришко, так, что он не может испить всю морскую воду, соленую, как слезы. Кроме морей, матросы видели и все человеческие породы, и черные, и желтые, и красные, и белые, и все человеческие веры и манеры жить, матросы видели, как люди молятся и Чурбанам, и Будде, и Христу, и Магомету, и Солнцу, и Конго, как люди ходят и в ивнинг-дрэссах, и в юбках мужчины, и голые с повязкой на чреслах и без повязки на них, – как люди украшаются и пудрой, и кольцами в носу, и зубами, выкрашенными в черное, – матросы помнили, как всюду бьют людей, – и матросы знают, что ничему в мире верить нельзя, все в мире течет и проходит. Матросы не знали никакой иной любви, кроме портовой, – и прекраснейшее в мире – любовь – у матросов была смрадна – негритянская, индейская, китайская любовь – как смраден портовый публичный дом в шуме, гаме и ноч-

ных красных фонарях. И на кубрике, – и в экваториальные ночи, когда кажется, что Южный Крест цепляет за мачты, и в ночи под Полярной звездой на кладбище европейских вод, – матросы вспоминают землю, ту, что "на берегу". Но матросы, как все люди, еще и мечтают: о прекрасной жизни; их мечты строятся на безверии; их мечты строятся над черными, желтыми, красными и белыми человечьими породами и любовями; их мечты строятся над всем миром. – А на кубрике, полярною ночью и ночью экваториальной, ночами в бури и штили – темная круглая безбрежность за бортом, чаша неба и чаша воды, колышется вода сотнями метров зеленоватой мутной холодной глубины, слиты края чаш в безбрежности и – если штиль – горят, горят на небесной корке – звезды, и ясно тогда, что эта небесная твердь расшита в гареме азиатского деспота, ибо кому иначе понадобилась бы такая нечеловечески-трудная красота? – не матросам же! – А корабль с редкими двумя-тремя огнями черен в этой безбрежности, безмолвен, пуст, – и только на корме торчат скорченные, черные тени матросов, в их бесконечных разговорах. И падают иной раз с неба звезды. – Так корабли идут по океанам из Буэнос-Айреса в Кардиф, из Гавра в Сингапур и во многие-многие иные места. Тесен мир.

И – ночь.

Имя кораблю каботажному, семи-тысяч-тонному, чуть-чуть пиратскому для глаза постороннего (как все каботажные корабли, сохранившие в своих обликах столетья рабских

корабельных правил о мордобое стюварда и капитана, расчетов в каждом порте, аглицких морских законов, от тех седых времен, когда корабль ходил под парусом и с пушкой) – имя кораблю: – "Speranza", что ли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.